

УДК 94 (47)+(093)

«ПОМОРСКАЯ ТОРГОВЛЯ» И «РУССКИЕ ПОМОРЫ» С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА XIX ВЕКА

«POMOR TRADE» AND «RUSSIAN POMORS» IN RUSSIAN LEGISLATION IN XIX CENTURY

© *Семущин Дмитрий Леонидович, кандидат исторических наук, политический обозреватель федерального ИА REGNUM (Москва). Приоритетные темы исследований: историческая география России. E-mail: ivaksa@bk.ru.*

© *Semushin Dmitry Leonidovich, Candidate of Historical Sciences, columnist IA 'REGNUM' (Moscow). Priority themes of the research: historical geography of Russia. E-mail: ivaksa@bk.ru.*

Аннотация. Рассматривается законодательство Российской империи XIX века о поморской торговле. Законодательство определило льготные условия ее ведения, территорию с населением, которому разрешалось вести льготную торговлю с Норвегией. Территория эта получила название «Поморский край», а его население стало именоваться «русскими поморами». В приложении публикуются тексты исторических документов.

Ключевые слова: поморская торговля, русские поморы, Поморский край, Баренцев регион, государственное законодательство

Abstract. Made an analysis of the Russian Empire legislation of the nineteenth century on Pomor trade with North Norway. Legislation defined the preferential terms, the territory and the population, which was allowed to trade with Norway. This territory was called «Pomorie Region» and its population began to be called «Russian Pomors.» Annex published texts of historical documents.

Keywords: Pomor trade, Russian Pomors, Pomorie, Barents region, Russian North, state legislation.

Введение

По обе стороны российско-норвежской границы о «поморской торговле» за последнюю четверть века написано более чем достаточно [1]. Здесь надо заметить, что в плане терминологии в бытность этой практики в северной Норвегии она в XIX веке преимущественно именовалась все-таки «русской торговлей». При создании организации Баренцева региона норвежские политики изначально использовали историю как аргумент

для обоснования данного сугубо политического проекта. Для легитимации БЕАР историки Северной Норвегии и Русского Севера стали публиковать книги и статьи о традициях якобы богатых контактов и обширных исторических связей в «историческом Баренцевом регионе». На старте проекта норвежские историки исходили из положения о возможности выстроить общую историю одного географического региона, чтобы он выглядел как общность, сложившаяся естественным путем, даже в случае, если это было не совсем так или даже совсем не так. Так в центре идеологической конструкции Баренцева региона оказалась «поморская торговля», и поскольку вопрос по «поморской торговле» оказался несколько запутан и в Тромсе, и в Архангельске, мы хотели бы внести научную ясность в этот предмет, что касается его российской составляющей.

Поморская торговля

В целом, разногласий не вызывает положение о том, что под «поморской торговлей» следует понимать бартерную торговлю в северной Норвегии между российскими подданными — т. н. «русскими поморами» и подданными шведского короля — северными норвежцами с обменом русского хлеба (ржи — зерна или муки) на выловленную норвежцами рыбу, в основном треску. Хлеб и треска — вот главные товары «поморской торговли». Меновой характер — другая отличительная особенность «поморской торговли». Норвежцы признаются, что в торговом обороте Норвегии т. н. «поморская торговля» с Россией в XIX веке занимала немного — всего каких-нибудь 3-4 процента. В целом, и норвежские, и российские историки согласны в том, что расцвет «поморской торговли» приходится на середину XIX века, когда в Северную Норвегию ежегодно прибывало по 300-400 русских парусных кораблей, в составе экипажей которых находилось свыше 2 тыс. человек, а прекращение «поморской торговли» связано с новыми экономическими реалиями и политическими событиями Первой Мировой войны и Русской революции. Что касается начала «поморской торговли», то обычно определяют временную точку или второй половины XVIII века, или его окончания. Впрочем, о первых торговых контактах между русскими и норвежцами в норвежском Финнмарке существуют свидетельства, датированные в норвежских исторических источниках 1680 годом. По норвежским источникам, торговая деятельность рыболовных судов российских подданных у побережью Финнмарка впервые обратила внимание на себя датского правительства в 1749 году. По-видимому, именно о «поморской торговле» с северной Норвегией, имевшей тогда незаконный характер, в России впервые написал академик И.И.Лепехин. В его записках, опубликованных в 1822 году, мы находим: «К сему

тягостному для поморян установления подал повод вывоз хлеба поморянами в так называемые непозволенные места, где они оный иногда, как сказывают, на рыбу променивали»[2].

Тем не менее, с нашей точки зрения, говорить о «поморской торговле» ранее начала XIX века нельзя, во-первых, хотя бы из-за того, что в это время, т. е. ранее конца XVIII века, такого понятия, как «помор» вообще не существовало, а под расхожим тогда понятием «поморцы» понимались исключительно жители Западного Беломорья с Поморского берега, а также волостей Ковда, Кандалакша, Варзуга, Умба, Порья-Губа и др. — бывших т. н. Поморских волостей, управлявшихся Соловецким монастырем. Между тем, в эпизодической и контрабандной торговле с норвежцами в XVIII веке были заняты не только «поморцы», но и жители других берегов Белого моря а также с Двины, которые в то время «поморцами» себя не именовали, и их таковыми не называли. Во-вторых, имеющиеся источники позволяют сделать вывод, что в период, предшествующий «поморской торговле», вовсе не треска была тем товаром, который представлял интерес для русских. Норвежский профессор Эйнар Ниemi по этому поводу писал: «Поначалу, по-видимому, они (т. е. русские, Д.Л.С.) в особенности занимались скупкой продукции из кож и кустарных изделий, как, например, особого типа норвежских ковров, а также фабричных и колониальных товаров. Похоже, что в эту раннюю фазу рыба не являлась важнейшим закупочным товаром, во всяком случае, треска, как это стало позднее» [3]. По свидетельству норвежского амтмана Соммерфельдта, в 1799 году русские торговали множеством товаров: овсом, парусиной, мылом, медом, мануфактурой и даже французскими винами, официально запрещенными к ввозу в Россию. И, в-третьих, надо учесть то обстоятельство, что в период, предшествующий «поморской торговле», эпизодическая торговля русских и норвежцев в Финнмарке не была законной, как, с точки зрения, датского законодательства до 1787 года, так и российских законов. «Поморская торговля» получила законные рамки в России только, начиная с 1810 года. Между тем, контрабандный характер торговых контактов русских и норвежцев в норвежском Финнмарке сказывался на тогдашних объемах торгового оборота. До узаконения «поморской торговли» объем российско-норвежской торговли в Архангельске был ничтожен по сравнению с торговлей с другими крупными европейскими державами. Так, в 1792 году из Англии в Архангельск пришло 90 судов, из Голландии — 17 и одно русское судно, а из всей Норвегии, трех норвежских населенных пунктов — Кратере, Альта и Вадсе — пришло всего три русских судна [4].

При понимании явления «поморской торговли» XIX века необходимо учитывать два важных обстоятельства: 1) в России в XVIII—XIX веках отсутствовала свобода хлебной торговли. Движение зерна контролировалось государством; 2) право заграничной заморской торговли хлебом в Российской Империи имело купечество 1-ой гильдии.

Для того чтобы «поморская торговля» с норвежцами стала реальностью необходимо было определение Российским государством разрешения на экспорт хлеба в Норвегию, определение его объема и предоставление льготы, дающей возможность участвовать в торговле с ней представителям некупеческих сословий Архангельской губернии.

С начала XVII и до начала XIX века главным пунктом, снабжавшим хлебом Поморье, под которым в исторических документах того времени исключительно именуется Поморский берег с городом Кемью и западное Беломорье, был Архангельск. Из Архангельска в Поморье в летнюю навигацию отправлялась бóльшая часть муки и зерновых продуктов, привозившихся купцами северных земледельческих и центральных областей: в среднем свыше 20 тыс. пудов ржаной муки и около 800 пудов круп [5].

Обмен рыбы на хлеб составлял основное и главное содержание торговли Поморья и поморцев с внутренними районами России посредством Архангельского порта. Средняя стоимость пуда хлеба (муки) и трески в Беломорье была одинакова и равнялась один рубль серебром. Норвежская «поморская торговля» XIX века на линии Архангельск-Финнмарк была просто встроена в этот налаженный ранее поморцами в предшествующие два века процесс. Собственно сами поморцы, вступавшие в контакт с норвежцами на промыслах Мурмана и Финнмарка, могли продавать контрабандно норвежцам только какой-то минимум хлеба — излишек от необходимого им и полученного по лимиту. Они не могли покупать хлеб в неограниченных количествах в Архангельске. Что касается архангельского первогильдийного купечества, то оно также не могло свободно торговать хлебом с норвежцами. Однако известно, что в период до «поморской торговли» архангельское купечество осуществляло какие-то контрабандные торговые операции с хлебом в северной Норвегии. Купцы, вывозившие муку из Архангельска, были обязаны получать свидетельство о том, что продали ее на территории Архангельской губернии. Однако торговцы подкупали таможенных чиновников, получали от них фальшивые свидетельства, а муку или зерно с большой выгодой выменивали на различные товары у жителей северной Норвегии и, пользуясь отсутствием таможенного надзора в море, нелегально провозили эти товары в Архангельск [6]. В конце XVIII и

начале XIX века контакты русского купечества Архангельска с торговыми домами Норвегии носили нерегулярный характер, и доставка товаров в норвежский Финнмарк осуществлялась в незначительных размерах.

«Поморская торговля» с Норвегией в предшествующий ей период получила два важнейших импульса. Первый имеет общий характер — это отмена монополий на промыслы в рамках экономической политики императрицы Екатерины Великой. 1 июля 1768 года именным указом императрицы была разрешена вольная и свободная продажа промышленниками Архангельской губернии их продуктов — «сала, так кож морских зверей, моржового зубья и трески» на внутреннем рынке [7.] В 1801 году указом только что вступившего на трон императора Александра был разрешен в России вывоз хлеба из одной губернии в другую и его свободная продажа [8]. Императорским указом от 22 декабря 1803 года об устройении в Архангельске хлебного магазина были определены правила хлебного снабжения Архангельской губернии [9]. При числе жителей в Архангельской губернии в 199.950 душ обоего пола на хлебное продовольствие губернии было определено 399.900 четвертей хлеба при условии потребления двух четвертей хлеба на душу в год. Внутренний урожай в губернии и хлебные магазины должны были давать в год на пропитание жителей губернии 226.959 четвертей хлеба. Недостача до нужного количества была определена в 172.941 четвертей. Недостача должна была восполняться покупками хлеба в других губерниях. Купечеству дозволялось вывозить за рубеж из Архангельского порта 200 тыс. четвертей, но с тем условием, что в магазинах в Архангельске должно было оставаться 50 тыс. четвертей. К этому времени два года действовала норма, обусловленная распоряжением местного губернского начальства, когда пятая часть хлеба, предназначенного на экспорт, шла на местный рынок. Таким образом, вывоз хлеба из Архангельского порта регулировался в интересах достаточного снабжения местного населения.

Второй импульс для старта «поморской торговли» имеет более частный характер и связан с направленной против Великобритании наполеоновской политикой континентальной блокады. 7 ноября 1807 года Россия из-за нападения англичан на Данию объявила войну Великобритании. Британские корабли стали препятствовать морской торговле России, а в случае с Арктикой угрожать русским промысловикам. В 1809 году англичане сожгли Колу. Их нападения на Мурман продолжались в 1810 и 1811 годах. Политика континентальной блокады для Норвегии, состоявшей в унии с Данией, означала жестокий голод населения из-за отсутствия морского подвоза и действий англичан на море.

Хлебные цены в Норвегии резко возросли. Для примера, в год континентальной блокады цена на российскую ржаную муку в Норвегии составляла 2 руб. 50 коп. за пуд, тогда как пуд ржаной муки в Архангельске стоил в среднем 1 руб. 10 коп.— 1 руб. 15 коп.[10]. Это активизировало хлебную торговлю между Россией и северной Норвегией. Русское правительство, желая выразить дружественное отношение к датскому королевскому двору, по его просьбе разрешило экспорт необходимой для северной Норвегии ржи и пшеницы из Архангельска. Снабжение хлебными припасами Норвегии в период континентальной блокады осуществлялось как гильдийным купечеством Архангельска, так и Беломорской акционерной торговой компанией.

В связи с английским разорением жители Колы в начале 1810 года обратились в министерство внутренних дел с просьбой разрешить и им участие в хлебной торговле. Вслед за этим 6 мая 1810 года последовал именной указ императора Александра I архангельскому военному губернатору фон Дезину о дозволении жителям города Колы, всем без различия состояний, производить мену на ржаную муку трески и палтусины в северной Норвегии без взимания за привоз рыбы установленной пошлины. Колянам для обмена определялась норма в 2 тыс. четвертей ржаной муки. За приобретаемую муку жители Колы должны были платить установленную пошлину [11]. Именно этот государственный указ и следует считать началом «поморской торговли» русских с северной Норвегией. 12 сентября 1811 года именованием указом императора архангельскому военному губернатору Спиридову льгота, предоставленная Коле, аналогичным образом была распространена на центр Поморья — город Кемь [12]. В том случае, когда в означенных указах говорится о «городах» Коле и Кеми, то, на самом деле, речь идет о городских округах в старинном их понимании — об уездах и всех их жителях. Кемский уезд состоял из двух станов, собственно Кемского и Сумского посада. 5 декабря 1812 года льгота жителям городов Колы, Кеми и Сумского посада на торговлю хлебом за рубежом в Норвегии была подтверждена во время общего запрета вывоза хлеба из России за границу [13]. По льготе норма на каждый город — Колу, Кемь и Сумской посад, составляла 2 тыс. четвертей, т. е. в сумме 6 тыс. четвертей хлеба. Упомянутая в документах мера объема сыпучих тел хлебная четверть примерно равна 210 литрам.

Льгота вывоза хлеба жителям Кольского и Кемского уездов Архангельской губернии рассматривалась тогда государственной властью, как временная мера. В дальнейшем по замыслу учредителей она подлежала пересмотру. В этом отношении решающее значение для судеб льготной меновой хлебной торговли для жителей

Кольского и Кемского уездов с Норвегией имело решение Сената от 14 июля 1820 года. Дополнительно жители Колы, Кеми и Сумского посада были освобождены тогда от платежа пошлины за постройку промысловых кораблей [14]. 27 марта 1826 года положением Комитета министров льгота была в очередной раз продлена на очередное пятилетие [15]. Решение обосновывалось тем, «что суровость климата, в котором они живут, неплодородие земли и совершенный недостаток во всяком другом промысле, кроме рыбной ловли и мены, лишают их не только возможности платить государственные подати, но и содержать себя с семействами». В постановлении подчеркивалось, что льгота жителям Кольского и Кемского уездов не распространяется на архангелогородцев. 29 сентября 1831 года льгота Коле и Кеми была в очередной раз продлена на очередное пятилетие положением Комитета министров [16].

29 марта 1835 года именным указом императора Сенату жителям Кольского и Кемского уездов дозволялось вывозить из Архангельска хлеб в Норвегию «на собственных судах» уже «без ограничения количества и без пошлин» [17].

13 апреля 1837 года положением Комитета министров льготы жителям «Поморского края» Архангельской губернии, т. е. Кольского и Кемского уездов были распространены на «обитателей казенных волостей: Золотицкой и Мудьюжской Архангельского уезда и прибрежных селений Онежского уезда» [18]. Таким образом, с 1837 года льготу на беспошлинную меновую торговлю с северной Норвегией имеют, помимо жителей Кемского и Кольского уездов, обитатели Зимнего берега Белого моря из Зимней Золотицы и Мудьюги, и Онежского уезда — из Унежмы, Кушереки, Малошуйки, Нименги, Ворзогор, Онеги, Тамицы, Кянды, Нижмоозеро, Пурнемы, Лямицы, Пушлахты, Летней Золотицы и Дураково.

В данном случае надо обратить внимание на то, что поморская льгота не распространялась на жителей беломорских посадов Неноксы, Уны и селения Солзы. Теперь понятно, почему жители посада Ненокса во второй половине XIX века поморами не считались [19]. Ненокса не входила в территорию льготного округа — «Поморского края», поэтому ее население не пользовалось «поморскими» льготами.

8 февраля 1838 года положением Комитета министров льгота «поморским жителям» Архангельской губернии была продлена на очередное пятилетие [20]. С этого года можно утверждать, что «поморская торговля» с Норвегией в своей основе — мене хлеба на рыбу сложилась окончательно. После 1838 года высшие государственные органы Российской империи больше не рассматривали вопрос о продлении льгот для

поморских жителей на очередное пятилетие. Их льготный статус стал бессрочным. Окончательно определилась и география льготного района, именуемого в государственных документах «Поморским краем» Архангельской губернии — это уезды Кольский, Кемский и частично Архангельский и Онежский.

Рис.1. Поморский край

Более того, в 1842 году именным указом императора частично на уезды Поморского края Архангельской губернии — Кольский и Кемский, плюс Мезенский уезд был распространен льготный порядок государственной службы для чиновничества. По своим «особенным преимуществам» чиновники, служившие в уездах Кемском, Кольском и Мезенском Архангельской губернии, были приравнены к служащим в Сибири и на Кавказе [21].

Из дальнейшего российского законодательства о «поморской торговле» следует обратить внимание на высочайше утвержденное постановление Государственного совета от 9 января 1861 года о мерах к прекращению незаконного вывоза в Норвегию леса из Поморского края Архангельской губернии, предполагавшее прекращение права беспшлинного пользования лесом для промысловых надобностей крестьянам Поморского края [22]. Беспшлинный вывоз в Норвегию лесных материалов и лесных изделий дозволялся только «из дач Поморского края» и в таком количестве, чтобы не

было лесного оскудения. Что касается прочего, то постановлением Государственного совета от 12 ноября 1862 года крестьянам и мещанам льготных районов Беломорского побережья было дозволено вывозить в Норвегию, помимо хлеба, «всякого рода товары», т. е. то, что ранее дозволялось только купцам первых двух гильдий Архангельской губернии [23]. Эта льгота уравнивала в праве на торговлю с Норвегией всех жителей «Поморского края» с купечеством вообще.

Финалом поморской торговли стала Первая мировая война. Уже 28 июля 1914 года последовал указ императора об «ограничении коммерческих связей подданных иностранных государств с русской стороною», а 12 августа 1914 года был введен запрет на вывоз хлеба из страны. Это означало автоматический запрет и для меновой хлебной торговли русских поморов с Норвегией. Конец «поморской торговли», таким образом, означал и конец русских поморов, которые утратили льготный статус в структуре населения Архангельской губернии [24].

Поморский край, русские поморы

Итак, в ситуации с «поморской торговлей» мы сталкиваемся с первым случаем социальной компенсации государством Российским в форме льгот и привилегий северной экстремальности. Российские законы высшей государственной власти в XIX веке создали в рамках Архангельской губернии из двух уездов полностью и частей еще двух уездов компактную территорию, получившую в официальной государственной терминологии название «Поморский край». Поморский край не был административным районом в губернии. Однако этот район с льготами для населения нуждался в топонимическом определении. Население этой территории, получившее льготы, выводящие его из общей сословной структуры российского общества, стало во второй половине XIX века официально именоваться в российском законодательстве «поморами» или «русскими поморами». Поэтому, образно говоря, не поморы создали поморскую торговлю, а поморская торговля создала поморов. В количественном отношении за все время существования льготного статуса население «Поморского края» Архангельской губернии не превышало 10-15% от всего населения губернии. Конкретно в 1888 году население льготной территории составило 40.268 душ обоего пола при общем населении Архангельской губернии в 290.786 душ — всего 13% населения губернии.[25]

Обратим внимание на то обстоятельство, что в работах главного нашего исследователя поморов — российского этнографа Т. А. Бернштам русские поморы рассматриваются исключительно как этнографическая группа местного населения. В

специфику ее научного интереса комплекс документов государственного законодательства XIX века о поморской торговле и поморах остался неизвестен Т. А. Бернштам, что обусловило ошибочность ее концепции. Публикуемая в приложении к настоящей статье подборка документов позволяет со всей определенностью утверждать об юридическом статусе группы русского населения Архангельской губернии, который был первичен к ее этнографическим особенностям. Благодаря своему особому статусу и льготам, промысловым занятиям и заморской торговле, это население «Поморского края» стало осознавать свою особность и развило отличную от прочего населения локальную идентичность, которая, заметим, за отпущенный ей период, не достигла уровня этнической идентичности. Как справедливо заметил норвежский профессор Нильсен: «Поморы в своих отношениях с норвежцами подчеркивали свою русскую идентичность. Но, тем не менее, в общении с русскими из других регионов они часто указывали на свои связи с Норвегией как на нечто присущее только поморской культуре» [26]. Отметим, что торговые связи с Норвегией русских поморов были обусловлены их специфическим статусом в сословной структуре населения Империи, определенным действующим российским имперским законодательством.

Следующий существенный вывод, который можно сделать из анализа рассматриваемых документов, это то, что поморов, как цельного исторического явления XVI—XIX веков не существовало. Поморцы XVI—XVIII веков и поморы XIX века — это, хотя и частично связанные во времени и частично в пространстве, но разные явления. Без юридического статуса XIX века локальная группа поморцев так и осталась бы на Русском Севере чем-то вроде мезенцев, пинежан, ваганов и др. — групп населения, определяемых по уездной локализации. Русские поморы XIX века связаны уже не с уездом, а более широкой территорией — Поморским краем, который, впрочем, так никогда и не получил официального оформления.

Что касается экономической специфики явления, то продолжительное чуть более столетия существование в приарктическом регионе бартерной торговли русских с норвежцами с обменом хлеба на рыбу объясняется не архаичностью русского и северонорвежского обществ, а теми специфическими рамками, которые были заданы российским имперским законодательством «поморской торговле». Оно требовало от участника «поморской торговли» транспортировки хлеба на его судне и обмена этого хлеба на рыбу. Бонусом для участника «поморской торговли» было то, что вымененную у норвежцев рыбу он ввозил в Россию через Архангельск беспошлинно. Последняя норма и

обусловила устойчивость во времени бартерной операции. Кроме того, условия, заданные государством поморской торговле, стимулировали развитие беломорского мореплавания, как торгово-промыслового, так и, в конечном итоге, споспешествовали прямо направляемого государством исследовательскому в Арктику.

Какова роль Архангельска в «поморской торговле» помимо того, что этот город был административным центром губернии, откуда и исходили распоряжения об ее организации? Главное — Архангельск был центром, куда приплывали на своих кораблях жители губернии, имеющие льготу на ведение торговли с Норвегией. Постоянного жительства в этом городе они не имели. Но здесь, в Архангельске, они закупали хлеб, который в северной Норвегии обменивался на треску, которую опять же русские участники поморской торговли привозили в Архангельск для продажи купечеству и мещанам. Участники поморской торговли — жители уездов и волостей, имевших льготу на торговлю с Норвегией, и, фактически, участвовавшие в этой торговле, пользовались кредитом, предоставляемым им архангельским гильдийским купечеством. Из подобной практики родилось насмешливое определение архангелогородцев как «трескоедов». То есть поморы ловили треску, а также выменивали ее у норвежцев, привозили в Архангельск, а архангелогородцы ее ели — «трескали». В конце 1980-х и начале 1990-х соблазняемые «баренцами» новейшие «трескоеды» объявили себя «поморами». В дополнение они еще и *украли у настоящего исторического Поморья и Поморского края его название и провозгласили Архангельск «столицей Поморья», хотя звание это по праву, о чем и свидетельствуют исторические документы, должно принадлежать все-таки Кемии*. По крайней мере, в местной традиции в XIX и начале XX века «Поморье» — это Кемский уезд, а в государственных документах XIX века «Поморским краем» именовался регион, составленный из конкретных уездов — Кольского, Кемского и прибрежных волостей на Зимнем берегу Архангелогородского уезда и прибрежных волостей Онежского уезда, получивших льготы на ведение морских промыслов и «поморскую торговлю» с Норвегией.

Заключение

Современная «баренцева региональная» норвежская концепция «поморской торговли» намеренно преувеличивает ее размеры. *Локальное для Архангелогородской губернии явление представляется как общее и универсальное для нее*. В подобной трактовке вся территория нашей губернии голословно без глубокого исследования исторических документов объявляется «Поморьем», а все ее население «поморами»,

которые в прошлом были тесно связаны торговыми и личностными отношениями с Норвегией. Более того, местные доморощенные сепаратисты в Архангельске, указывая на факт «поморской торговли», начинают утверждать, что в прошлом Архангелогородская губерния в составе Российской империи якобы пользовалась де-факто автономным статусом, благодаря которому неплохо существовала в тесном контакте с Западом — конкретно с Норвегией [27]. Однако поморов, как цельного исторического явления XVI—XIX веков не существовало. Русские поморы XIX века связаны с Поморским краем, который так никогда и не получил официального оформления.

Полагаем, что настоящая наша публикация вносит ясность в проблему масштаба и конкретной локализации такого действительного исторического явления XIX — начала XX века, как «поморская торговля», и разъясняет статус в структуре населения губернии «русских поморов» и определяет территорию т. н. «Поморского края».

Литература

1. Современная литература о поморской торговле: Бернштам Т. А. Поморы. Л., 1978. С. 111—116; Федоров П. В. Северный вектор в российской истории: центр и Кольское Заполярье в XVI-XX вв. Мурманск, 2009. гл. 4. Ресурсы Кольского Севера и имперская экономика: в поисках эффективной модели сближения. С. 106—132; Ниemi Э. Поморская торговля с точки зрения норвежцев // Народы и культуры Баренцева региона. Тромсе, 1996. С. 26—36; Нильсен Й. П. Российско-норвежские отношения в арктической Европе и история Баренцева Евро-Арктического региона // *Varents-Journal*. 2002. № 1. С. 14—25; Бацис П. Э. Русско-норвежские отношения в 1905—1917 гг. Автореферат канд. дисс. М., 1973; Булатов В. Н., Шалев А. А. Баренцев Евро-арктический регион и Архангельская область: международное сотрудничество. История и современность. Архангельск, 2001. С. 25—34; Пересадило Р. В. Развитие морских связей между Норвегией и Русским Севером // Слово о людях и земле Поморской. Архангельск, 1993. С. 131—139; Пересадило Р. В. Российско-норвежские экономические отношения на русском Севере (конец XVII — начало XX вв.) // Материалы Шестой ежегодной научной конференции (14—16 апреля 2004 г.) Под ред. В. Н. Барышникова. СПб, 2005; Красавцев Л. Б. Правовые аспекты поморской торговли с Норвегией в XIX в. // Архангельск и северные страны конца XVI — начала XX веков: Избранные доклады. Архангельск, 1999. С. 50—58; Репневский А. В. Историческая судьба поморской торговли и день сегодняшний // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2004. С. 138—145; Смирнов А. И. Мурманский коридор.

- (Российско-норвежское сотрудничество в Баренцевом регионе). Мурманск, 1998. С. 12—18; Шредер Т. А. Торговые связи Русского Поморья с Северной Норвегией (конец XVIII—начало XX вв.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1985; Шредер Т. А. С торгом в Норвегу // Следопыт Севера. Архангельск, 1986. С. 193—204; Шредер Т. А. С торгом в Норвегу. (Поморская торговля как фактор взаимовлияния культур) // Скандинавские чтения 2008 года: этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2010. С. 256—273; Shrader T. A. Across the Borders: the Pomor Trade // Russia-Norway: Physical and Symbolic Borders. Ed. T. N. Jackson and J. P. Nielsen. Moscow, 2005. P. 105—115.
2. «Хотя не токмо отпускаемого за море, но и оставляемого в запасе, для содержания всего Поморья и самого города Архангельского, количество хлеба предписано законами, но при всем том в хлебных ценах великая бывает разность: обыкновенная цена хлебу менее 20 копеек пуд, но в мою бытность продавался пуд муки ржаной по 50-ти копеек. И можно не ошибаясь сказать, что цены хлеба не от запасных магазинов, но от количества отпусков зависят: тогда по берегам Белого моря и в Кольском уезде живущие обязываются привозить к городу Архангельскому от своих селений свидетельства, сколь велика каждого семья и сколь многолюдны их промыслы, по числу коих количество хлеба и отпускалось по билетам, даваемым из бывшей тогда собственной губернаторской конторы. К сему тягостному для поморян установления подал повод вывоз хлеба поморянами в так называемые непозволенные места, где они оный иногда, как сказывают, на рыбу променивали: но мне кажется, что лучше пусть вывезено будет несколько четвертей хлеба более, нежели зажиточных поморян сделать вечными господами бедных своих собраний, которые, будучи принуждены у богатых забирать хлеб с обещанием заработать оный на промыслах, остаются почти всегдашними работниками». — Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 5. Окончание записок путешествия академика Лепехина. СПб., 1822. С. 357—358. Заметим, что И.И.Лепехин во время своей экспедиции по России посетил Архангельск в 1772 году. Однако редакцию текста И.И.Лепехина к посмертному изданию 1822 года готовил хороший знаток Русского Севера Н.Я.Озерецковский, который, как известно, частично дописал и исправил первоначальный текст.
 3. Ниemi Э. Поморская торговля с точки зрения норвежцев. С. 28.
 4. Шредер Т. А. С торгом в Норвегу // Следопыт Севера. С. 194.
 5. Бернштам Т. А. Указ. соч. С. 113.

6. Шредер Т. А. С торгом в Норвегу. С. 196—197.
7. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 18. 1767—1769. СПб., 1830. № 13141. 1 июля 1768 года. Именной, данный Сенату. Об отдаче промыслов сального, кож морских зверей, моржевого и рыбы трески на вольный промысел Архангелогородской губернии обывателям. С. 695—696.
8. ПСЗРИ. Т. 26. 1800—1801. СПб., 1830. № 19803. 24 марта 1801. Именной, данный Сенату. Об отмене запрещения на вывоз за границу хлеба и вина. С. 597.
9. ПСЗРИ. Т. 27. 1802—1803. СПб., 1830. № 21096. 22 декабря 1803. Именной, данный Сенату. Об устройении в Архангельске хлебного запасного магазина на особенных правилах местного положения и образу продовольствия того края сообразным. С. 1080—1086.
10. Шредер Т. А. С торгом в Норвегу. С. 199.
11. ПСЗРИ. Т. 31. 1810—1811. СПб., 1830. № 24221. С. 175—176.
12. ПСЗРИ. Т. 31. 1810—1811. СПб., 1830. № 24767. С. 837—838.
13. ПСЗРИ. Т. 32. 1812—1815. СПб., 1830. № 25285. С. 471.
14. ПСЗРИ. Т. 37. 1820—1821. СПб., 1830. № 28356. С. 391.
15. ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 1. 1825—1827. СПб., 1830. № 218. С. 318-320.
16. ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 6. Отд. 2. 1831. СПб., 1832. № 4836. С. 90.
17. ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 10. Отд. 1. 1835. СПб., 1836. № 8006. С. 282—283.
18. ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 12. Отд. 1. 1837. СПб., 1838. № 10133. С. 232—233.
19. Шульман Ю.М. История посада Неноксы. К 600-летию первого датированного упоминания о посаде Ненокса. Историко-краеведческий очерк. М., 1997. С. 71.
20. ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 13. Отд. 1. 1838. СПб., 1839. № 10960. С. 94—95.
21. ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 17. Отд. 1. 1842. СПб., 1843. № 15731. 9 июня 1842. Высочайше утвержденное положение о преимуществах службы в отдаленных и малонаселенных краях Империи. С. 438—443.
22. ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 36. Отд. 1. 1861. СПб., 1863. № 36521. С. 16.
23. ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 37. Отд. 2. 1862. СПб., 1865. № 38910. С. 332.
24. Трошина Т. И. Великая война... Забытая война...: Архангельск в годы Первой мировой войны: (1914—1918). Архангельск, 2008. С. 52. По непонятной нам причине А. В. Репневский не назвал указы 1914 года в качестве последней точки в «поморской торговле». См. Репневский А. В. Историческая судьба поморской торговли и день сегодняшний...

25. См. таблицы: Атлас Архангельской епархии. Архангельск, 1890.
26. Нильсен Й. П. Российско-норвежские отношения в арктической Европе и история Баренцева Евро-Арктического региона. С. 19.
27. 7 августа 2013 года участники спонсируемой норвежцами нансеновской экспедиции на борту «научного парохода» «Профессор Молчанов» по итогам доклада профессора А. В. Репневского о «поморской торговле» «дискутировали» на тему «о том, кто такие поморы и можно ли сегодня говорить о поморах, как об этносе». Зачем дискутировать? О чем? *Сколько можно заниматься пустыми фантазиями на норвежские деньги?* В теме поморов и поморской торговли надо просто обратиться к историческим источникам. В данной ситуации открыть Свод законов Российской империи и прочесть государственные документы XIX века. Поразительно и возмутительно, что это до сих пор не было сделано сначала на историко-филологическом факультете АГПИ, потом на историческом факультете Поморского университета. Полагаем, что после этой нашей публикации надо будет вырвать страницы 317 и 318 из булатовской Поморской энциклопедии том 1 и написать их заново. «Поморское возрождение» в Архангельске должно умереть.

Приложение

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО XIX ВЕКА О «ПОМОРСКОЙ ТОРГОВЛЕ» С СЕВЕРНОЙ НОРВЕГИЕЙ, «РУССКИХ ПОМОРАХ» И «ПОМОРСКОМ КРАЕ» АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

1. ***1810, мая 6. Именной, данный архангельскому военному губернатору фон Дезину. — О дозволении жителям города Колы, всем вообще без различия состояний, производить вымен на ржаную муку и покупку трески и палтусины у Датских берегов без взимания за привоз сей рыбы установленной пошлины.***

Министр внутренних дел доносил мне о просьбе жителей города Колы, что они по неплодородию того края, занимаясь единственно морскими рыбными промыслами, ныне, по // уменьшению улова рыбы при их берегах и по возвысившимся ценам на хлеб и все съестные припасы, привозимые из Архангельска, равно как и по претерпенному ими в минувшем лете разорению от неприятеля, крайне нуждаются в пропитании своим и в уплате податей. Они просят по сим причинам о позволении всем им, без различия гильдий, отъезжать на собственных судах для вымена и покупки трески и палтусины у Датских берегов, где лов оных гораздо обильнее, без взимания за привоз сей рыбы в наших портах пошлины, тарифом 1797 года установленной; а для вымена оной рыбы вывозить из Архангельска и Колы на своих судах до двух тысяч четвертей муки ржаной ежегодно, с платежом установленных пошлин.

Принимая в уважение, что торговля сия не иное что, как промысл жизненными продуктами, между пограничными жителями позволенный, а ввоз рыбы, будучи производим на российских судах, и то в не большом количестве, также может почесться российскою промышленностью, я повелеваю дозволить оныя жителям города Колы всем вообще без различия состояний, равно как и вывоз для вымена рыбы, означенного в просьбе количества хлеба, на изъясненном ими основании, с наблюдением однако ж, чтоб не продавали оногo в неприятельские руки. О чем и поручаю вам учинить надлежащее распоряжение. — ПСЗРИ. Т. 31. 1810—1811. СПб., 1830. № 24221. С. 175—176.

2. 1811, сентября 12. Именной, данный архангельскому военному губернатору Спиридову. — О дозволении жителям города Кеми производить торговлю жизненными припасами с пограничными жителями и выменивать на оныя рыбу.

Министр внутренних дел донес мне о просьбе жителей города Кеми, что они как по бывшим неурожаем в хлебе в Архангельской губернии и по возвысившимся от того ценам на все жизненные потребности, так и вообще по неудобности земли в тамошнем краю к хлебопашеству, крайне нуждаются даже в пропитании своих семейств. По сим причинам они просят о дозволении им распространить разъезды свои до берегов норвежских за рыбными и звериными промыслами, составляющими единственное средство к поправлению их положения.

Основываясь на сведениях местного начальства, подтверждающих таковое бедственное состояние жителей города Кеми, и находя притом, что они в таком же точно положении, в каком жители города Колы, я за благо признал силу и действие указа, данного по просьбе сих последних в 6 день мая 1810 года на имя предместника вашего распространить на равном основании и на жителей кемских, т. е. дозволить и им, как жителям города Колы, всем вообще без различия состояний производить торговлю жизненными припасами с пограничными жителями и ввозить выменянную на оныя рыбу в российские границы, беспошлинно, с наблюдением однако ж, чтобы они не продавали хлеба в неприятельские руки. — ПСЗРИ. Т. 31. 1810—1811. СПб., 1830. № 24767. С. 837—838.

3. 1812, декабря 5. Именной, данный архангельскому военному губернатору Спиридову. — О нераспространении на жителей городов Колы, Кеми и Сумского посада запрещения на выпуск хлеба за границу.

В уважение недостаточного состояния жителей городов Колы, Кеми и Сумского посада повелеваю: не распространяя на них существующего запрещения на выпуск за границу хлеба от портов Архангельской губернии, оставить в отношении к ним действие указов 6 мая 1810 и 12 сентября 1811 года.

— ПСЗРИ. Т. 32. 1812—1815. СПб., 1830. № 25285. С. 471.

4. 1820, июля 14. Высочайше утвержденное положение комитета министров, объявленное Сенату министром финансов. — О дозволении жителям городов

Колы, Кеми и Сумского посада отпускать в Норвегию беспошлинно хлеб для вымена на рыбу; и об освобождении оных от платежа футовой пошлины за построенные ими для рыбных промыслов суда.

Честь имею донести Правительствующему Сенату, что по всеподданнейшему прошению жителей городов Колы, Кеми и Сумского посада, в Кемском уезде находящегося, о продолжении дарованного им дозволения отпускать в Норвегию беспошлинно определенное количество хлеба для вымена его на рыбу и о разрешении строить суда для рыбных промыслов без платежа футовой пошлины, я входил с представлением моим в Комитет гг. министров, который с Высочайшего соизволения положил:

- 1) освободить жителей городов Колы, Кеми и Сумского посада от платежа футовой пошлины за строимые для рыбных промыслов суда, взимая с них единственно попенные деньги за употребляемый ими на построение их лес.
- 2) Дозволение вывозить в Норвегию до 6000 четвертей хлеба без платежа установленной пошлины, разровняв количество сие между жителями помянутых трех мест по усмотрению начальства, продолжать еще на 5 лет, по прошествии коих предоставить сделать о сем вновь рассмотрение.
- 3) Дозволить им равномерно выменянную за сей хлеб рыбу по-прежнему привозить в Россию также беспошлинно.
- 4) Обязать помянутых жителей подписками, чтобы, кроме рыбы, они никаких других товаров не выменивали, и того менее провозили их чрез границу потаенно, поставив им на вид, что в противном случае они неминуемо лишатся навсегда даруемого им права.
- 5) Наконец предоставить архангельскому военному губернатору, чтобы он сделал все нужные распоряжения к строгому наблюдению за точным исполнением положения сего; и, если в последствии заметит какие неудобства, уведомлял бы о том министерство для дальнейшего соображения, прекратить ли по истечении назначенного срока помянутое право, или продолжать далее срок оногo, или, наконец, оставить его навсегда неотъемлемым. Сделав по ведомству вверенного мне министерства согласные с сим положением предписания, честь имею донести об оном и Правительствующему Сенату.

— ПСЗРИ. Т. 37. 1820—1821. СПб., 1830. № 28356. С. 391.

5. 1826, марта 27. Высочайше утвержденное положение комитета министров. — О продолжении дарованного жителям городов Колы, Кеми и Сумского посада, права вывозить в Норвегию хлеб, а оттуда рыбу беспошлинно в течение пяти лет.

В заседание 16 марта слушана записка министра финансов от 11 марта за № 402 (по Департаменту мануф. и внутр. торговли), внесенные в журнале Комитета под № 423, о продолжении дарованного жителям городов Колы, Кеми и Сумского посада права вывозить в Норвегию хлеб, а оттоль рыбу беспошлинно в течение пяти лет.

Комитет, находя и со своей стороны справедливым удовлетворить просьбу жителей городов Колы, Кеми и Сумского посада, полагал: дарованное им право на вывоз в

Норвегию до 6000 четвертей ржаной муки, без платежа установленной пошлины, продолжить еще на 5 лет на том основании, как министр финансов представляет, испросив на то высочайшее соизволение.

В заседание 27 марта объявлено Комитету, что государь император на положение Комитета соизволяет. Комитет определил: сообщить о том министру финансов к исполнению выпискою из журнала.

Рапорт министра финансов. Высочайше утвержденным в 18 день мая 1820 года положением Комитета гг. министров продолжено было жителям городов: Колы, Кеми и Сумского посада право в течение пяти лет: 1) Вывозить в Норвегию до 6000 четвертей хлеба без платежа установленной пошлины для вымена на рыбу, разровняв сие количество между жителями помянутых 3-х мест по усмотрению местного начальства. 2) Вымененную за сей хлеб рыбу привозить в Россию также беспошлинно; и 3) по прошествии оных пяти лет предоставить сделать о сем вновь рассмотрение.

По истечении сего времени г. генерал-губернатор архангельский, вологодский и олонецкий, препроводив ко мне списки с прошений помянутых жителей, коими они вновь домогались вышеизъясненного разрешения, изложил по сему предмету свое и Комитета о продовольствии Архангельской губернии мнения.

Г. генерал-губернатор полагал: 1) Что позволение вывозить хлеб в Норвегию для промена на рыбу, доставляя более выгод, отвлекает прибрежных жителей от собственного рыболовного промысла; 2) что вывоз сей мог приносить пользу только малой части тамошнего купечества; и 3) что промышленность сия некоторым образом способствовала противозаконной торговле с Норвегией.

Во мнении же Комитета о продовольствии Архангельской губернии изъяснено: 1) Что состояние тех жителей по суровости климата и бесплодию земли зависит собственно от рыбных промыслов и мены, единственного их в тамошнем краю пособия к оплате податей и к содержанию себя с семействами. 2) Что от запрещения им вывоза в Норвегию хлеба на вымен рыбы, по оказывающемуся часто малому улову при российских берегах, возвысится на оную цена к отягощению не одной Архангельской, но и соседственных с нею губерний жителей. 3) Что и при самом запрещении, промышленники, сколько от обольщения выгод, а более по нужде не оставят ездить в Норвегию для вымена рыбы, как и прежде то делали до позволения вывоза хлеба; и 4) Что от дозволения вывоза в Норвегию хлеба произойдет польза для торгующих оным; ибо от увеличившейся в Архангельске потребности в хлебе, привоз одного из хлебородных губерний будет значительнее, от чего купечество и земледельцы приобретут более выгод. Воспретить же всем жителям того края отправляться в Норвегию потому, что некоторые из них потаенно вывозили из-за границы товары, было бы несправедливо для тех, кои в сем не участвовали. Собрав все нужные по сему сведения, я нашел:

Во-первых. Что высочайшими указами от 6 мая 1810 и 12 сентября 1811 годов на имя г. архангельского военного губернатора данными, всемиловитейше дозволено кольским и кемским жителям без различия состояний привозить из Норвегии рыбу беспошлинно и на промен оной вывозить хлеб; что высочайшим указом от 5 декабря 1812 года повелено оставить действие означенных указов в отношении к жителям Колы, Кеми

и Сумского посада, и что тоже право предоставлено им и вышеприведенным высочайше утвержденным 18 мая (14 июля) 1820 года положением Комитета гг. министров.

Во-вторых. Что суровость климата, в котором они живут, неплодородие земли и совершенный недостаток во всяком другом промысле, кроме рыбной ловли и мены, лишаящие их не только возможности платить государственные подати, но и содержать себя с семействами, убеждают их просить о продолжении высочайше дарованного им еще с 1810 года права на вывоз в Норвегию хлеба, для вымена рыбы и привоз оной беспошлинно; и в-третьих. Что, хотя высочайшим указом 10 марта 1820 года дарованы архангельским купцам и мещанам на 20 лет некоторые льготы и облегчения, при всем том они ни в какое сравнение с вышеозначенными северными жителями входить не могут потому, что, находясь в губернском знаменитом по торговле городе, пользуются многими различными отраслями промышленности и всеми способами не только к содержанию своему, но и к приобретению значительных выгод.

По сим уважениям о всем вышеизложенном я представлял в Комитет гг. министров, полагая с своей стороны возможным: 1) Дозволить еще на пять лет Кольским, Кемским и Сумского посада жителям вывозить в Норвегию, без платежа установленной пошлины, ежегодно до 6000 четвертей ржаной муки, для вымена на оную рыбы, с тем, чтобы архангельское главное начальство по своему усмотрению разровняло сие количество между жителями помянутых трех мест, а по прошествии оных пяти лет вошло вновь в рассмотрение сего дела и, куда следует, о том отнеслось. 2) Равномерно дозволить сим жителям, вымененную за хлеб рыбу по-прежнему привозить в Россию также беспошлинно. 3) Обязать тех жителей подписками, чтобы они, кроме рыбы, никаких других товаров не выменивали и не провозили их чрез границу потаенно, поставив им на вид, что в противном случае они неминуемо лишатся навсегда даруемого им права, по чему и должны удерживать друг друга от контрабанды; и 4) Наконец, предоставить г. архангельскому, вологодскому и олонецкому генерал-губернатору, чтобы он учинил все нужные распоряжения к строгому наблюдению за точным по сему исполнением.

Комитет гг. министров, находя и со своей стороны справедливым удовлетворить просьбе жителей городов Колы, Кеми и Сумского посада, по журналу 16 прошедшего марта полагал: дарованное им право на вывоз в Норвегию до 6000 чет. ржаной муки без платежа установленной пошлины, продолжить еще на 5 лет на том основании, как я представлял, испросив на то Высочайшее соизволение.

В заседание 27 того месяца объявлено Комитету, что государь император на положение Комитета соизволяет, о чем и сообщено мне к исполнению выпискою из журнала оногo.

Во исполнение сего я честь имею представить о сем высочайше утвержденном положении Комитета гг. министров, с коего прилагаю у сего засвидетельствованный список Правительствующему Сенату, испрашивая учинения к исполнению по оному надлежащего распоряжения и присовокупляя, что об объявлении о сем жителям Колы, Кеми и Сумского посада, дабы они могли принять заблаговременно меры к отправлению судов своих с хлебом в Норвегию на вымен рыбы, сообщено уже от меня г.

архангельскому, вологодскому и олоньскому генерал-губернатору и дано знать начальству архангельского таможенного округа.

— Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 1. 1825—1827. СПб., 1830. № 218. С. 318-320.

6. 1831, сентября 29. Высочайше утвержденное положение комитета министров, объявленное Сенату министром финансов. — О продолжении на пять лет дарованного жителям городов: Кеми, Колы и Сумского посада права на вывоз в Норвегию до 6000 четвертей хлеба без пошлины.

По уважению скудости обитаемого кольскими, кемскими и сумскими жителями Архангельской губернии края и проистекающего от того недостатка в необходимых потребностях жизни, и для содействия улучшению их состояния и обеспечения казны в исправном платеже государственных повинностей, он г. министр входил с представлением в Комитет гг. министров, о продолжении им дозволения вывозить в Норвегию беспошлинно определенное количество ржаной муки для вымена на рыбу, которую и привозить в Россию также без пошлин. По положению о сем Комитета гг. министров, государь император в 29 день сентября высочайше повелеть соизволил: продолжить еще на пять лет дарованное жителям городов Кеми, Колы и Сумского посада право на ежегодный вывоз в Норвегию до 6000 четвертей хлеба без пошлины и на привоз вымененной на оный рыбы в Россию также беспошлинно, на точном основании высочайше утвержденного 18 мая (14 июля) 1820 года положения Комитета гг. министров.

— ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 6. Отд. 2. 1831. СПб., 1832. № 4836. С. 90.

7. 1835, марта 29. Именной, данный Сенату, опубликованный 17 апреля. — Об облегчениях жителям Поморского края Архангельской губернии, по производству ими звериных и рыбных промыслов.

Желая облегчить способы жителям Поморского края Архангельской губернии, в уездах Кольском, Кемском и посаде Сумском, к улучшению их состояния, по производству ими звериных и рыбных промыслов, повелеваем дозволить означенным жителям городов и уездов Кеми, Колы и Сумского посада, без различия гильдий, мещанам, посадским и крестьянам:

1. Вывозить из Архангельского порта на собственных их мореходных судах хлеб без ограничения количества и без пошлин, установленных тарифом.

2. Привозить к беломорским портам соленую рыбу, кроме сельдей и сушеной трески, без различия норвежского или собственного лова, без пошлин, которых не взимать и с привозимой такой же рыбы норвежскими жителями.

3. С сельдей и сушеной трески без различия собственного лова или норвежского взимать в беломорских портах положенную по заключенной нами с его величеством королем шведским и норвежским торговой конвенции 11/23 июня 1834 года (11 марта 1835 [7937]) пошлину, с сельдей — по тридцати копеек серебром с бочки в 9 пуд, а с

сушеной трески по пяти копеек серебром с пуда, и таковые пошлины взимать на том же основании с привозимой на российских судах рыбы, как установлено оною конвенциею с привозимой на судах норвежских.

4. Иностранную соль дозволить привозить к беломорским портам на российских и норвежских судах с убавкою по пятнадцати копеек серебром с пуда из положенной по тарифу пошлины, то есть: вместо тридцати пяти копеек, по двадцати копеек серебром с пуда.

5. С мягкой рухляди, означенной в конвенции, без различия собственного лова или норвежского, взимать пошлину в половину против назначенной по конвенции, то есть: со шкур лисьих красных и куньих по тридцати семи с половиною копеек серебром, а с речных выдр по пятидесяти копеек серебром с фунта; шкуры же моржевые, оленьи, тюленьи и белужьи допускать без пошлины.

6. Все сии облегчения допустить на время продолжения действия той конвенции, то есть: по 11/23 июня 1837 года.

Правительствующий Сенат не оставит сделать, к приведению сего в исполнение, зависящие от него распоряжения.

— ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 10. Отд. 1. 1835. СПб., 1836. № 8006. С. 282—283.

8. 1837 апреля 13. Высочайше утвержденное положение комитета министров, опубликованное 7 мая. — О продолжении льгот жителям Поморского края Архангельской губернии.

Правительствующий Сенат слушали рапорт г. министра финансов, что его императорское величество, вследствие представления его г. министра финансов в Комитет гг. министров, в 15 день минувшего апреля высочайше повелеть соизволил: льготы, предоставленные высочайшим указом 29 марта (8006) и положением Комитета гг. министров, высочайше утвержденным 19 октября 1835 (8497) жителям Поморского края Архангельской губернии, городов и уездов: Колы, Кеми и Сумского посада, с окончанием нынешнего срока продолжить до истечения настоящего года, впредь до дальнейших распоряжений, распространя их на том же основании и на обитателей казенных волостей Золотицкой и Мудьюжской Архангельского и прибрежных селений Онежского уездов, с нижеозначенными дополнениями.

1) Всем им предоставить брать таможенные паспорта на рейсы в Норвегию, не только на одно лето, но и на два года, а для промыслов на новой земле и на должайшее время.

2) Привоз и очистку пошлиною сухой трески и звериных шкур разрешить, сверх беломорских портов, в Колу, Кемь и Сумской посад, относя сие дозволение и ко всякой другой сушеной рыбе, без заплаты пошлин.

3) С беломорских сельдей собственного тамошних жителей лова, ко всем прибрежным местам привозимых, и укупоркою от иностранных сельдей отличающихся, никакой пошлины не взимать.

4) Жителям Поморского края всех состояний дозволить вывозить из беломорских портов и пристаней: равендух, смолу, веревки и канаты беспошлинно, а пеньку с пошлиною, общим тарифом установленною.

5) Предоставить министру финансов допустить в сказанных местах по таможенным обрядам облегчения, какие признаны им будут возможными, применяясь к порядку по сухопутным таможням соблюдаемому.

б) Как по разрешению привоза к новым пунктам: Коле, Кеми и Сумскому посаду, оказывается надобность усилить таможенный надзор, то на сие испросить особое высочайшее повеление.

7) Дабы льготами сими означенные жители могли воспользоваться с открытия навигации, то дать таможенному ведомству предписания о немедленном исполнении сих мер, непосредственно по утверждению оных; о чем Правительствующему Сенату донести для сведения г. министру финансов, приступив немедленно к зависящим со стороны Министерства финансов распоряжениям об исполнении сего высочайшего повеления, донес об оном Правительствующему Сенату для обнародования. Приказали: (Послать, куда следует, указы).

— ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 12. Отд. 1. 1837. СПб., 1838. № 10133. С. 232—233.

9. 1838, февраля 8. Высочайше утвержденное положение комитета министров, опубликованное 9 марта. — О продолжении льгот, дарованных поморским жителям Архангельской губернии.

Правительствующий Сенат слушали рапорт министра финансов, что его императорское величество по положению Комитета министров высочайше повелеть соизволил в 8 день минувшего февраля: продлить впредь до особого повеления разные льготы, дарованные высочайшим указом 29 марта 1835 г. (8006) и высочайше утвержденными 29 октября того же года и 13 Апреля 1837 г. (10132) положениями Комитета министров жителям Поморского края Архангельской губернии в уездах: Кольском, Кемском и посаде Сумском, казенных волостей Золотицкой и Мудьюжской — Архангельского и прибрежных селений — Онежского уездов, по вывозу в Норвегию хлеба и привозу оттуда рыбы, мягкой рухляди и соли. О сем министр финансов донес Правительствующему Сенату приказали: (Послать, куда следует, указы).

— ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 13. Отд. 1. 1838. СПб., 1839. № 10960. С. 94—95.

10. 1861, января 9. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета. — О мерах к прекращению незаконной вывозки в Норвегию леса из Поморского края Архангельской губернии.

Государственный совет в Департаменте экономии и Общем собрании, рассмотрев представление министра государственных имуществ о мерах к прекращению незаконной вывозки в Норвегию леса из Поморского края Архангельской губернии, мнением положил:

1. Дозволить вывоз в Норвегию лесных материалов и лесных изделий всякого рода из дач Поморского края в таком количестве, какое окажется возможным к отпуску по состоянию дач без оскудения их, с предоставлением сего вывоза, как лицам, имеющим

право на производство заграничной торговли, на общем основании, так равно и всем жителям Поморского края на том же основании, как разрешен им, 1 п. ст. 1308 Уст. Там. (Свода Зак. Т. VI, изд. 1857 г.), вывоз хлеба из Архангельского порта.

2. Определение размера, условий и учета отпуска леса для означенной цели предоставить распоряжению министра государственных имуществ по указанию опыта.

3. Вывоз леса в Норвегию из дач Поморского края без платежа тарифных пошлин ограничить пятилетним сроком, предоставляя министру государственных имуществ пред истечением опытного срока, войти установленным порядком с представлением о продолжении этой меры или о прекращении оной; — и

4. Предоставленное в 1848 году занимающимся промыслами на Мурманском берегу государственным крестьянам Архангельской губернии право беспошлинного пользования лесом для промысловых надобностей прекратить, и затем ст. 627 Уст. Лесн. (Свода Зак. Т. VIII, изд. 1857 г.) отменить.

Резолюция. Его императорское величество воспоследовавшее мнение в Общем собрании Государственного совета о мерах к прекращению незаконной вывозки в Норвегию леса из Поморского края Архангельской губернии высочайше утвердить соизволил и повелел исполнить.

— ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 36. Отд. 1. 1861. СПб., 1863. № 36521. С. 16.

11. 1862, ноября 12. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета, опубликованное 17 декабря. — О даровании жителям Поморского края Архангельской губернии некоторых льгот в видах развития там рыбного промысла и о дозволении крестьянам и мещанам беломорского побережья вывозить в Норвегию всякого рода товары наравне с купцами первых двух гильдий.

Государственный совет в Департаменте государственной экономии и в Общем собрании, рассмотрев представление управляющего министерством финансов о даровании жителям Поморского края Архангельской губернии некоторых льгот в видах развития там рыбного промысла, согласно с заключением его, управляющего, мнением, положил: в изменение и дополнение подлежащих статей Устава Таможенного (Свода Зак. Т. VI) и действующего тарифа:

1. Дозволить свободный и беспошлинный ввоз из-за границы в Поморский край Архангельской губернии рыболовных крючков.

2. Разрешить нашим промышленникам продавать тресковый жир прямо из становищ в Норвегию, не свозя его в Архангельск; — и

3. Дозволить крестьянам и мещанам беломорского побережья вывозить в Норвегию сверх муки и крупы всякого рода товары на общем основании наравне с купцами первых двух гильдий.

Резолюция. Его императорское величество воспоследовавшее мнение в Общем собрании Государственного совета о даровании жителям Поморского края Архангельской губернии некоторых льгот в видах развития там рыбного промысла, высочайше утвердить соизволил и повелел исполнить.

12. 1892, февраля 7. Именной высочайший указ, данный Сенату (Собр. Узак. 1892 г. февраля 15, ст. 190). — О разрешении вывоза хлеба из портов Архангельской губернии в Норвегию.

Указом нашим, 1 сентября 1891 года Правительствующему Сенату данным (7963), воспретили мы отпуск ржи, ржаной муки и отрубей из портов Архангельской губернии. Признав, по соображению сведений о состоянии продовольственных запасов в этой губернии возможным допустить в видах сохранения меновых торговых сношений поморов Северного края с Норвегией изъятие из приведенного закона по отношению к хлебу, который вывозится из этого края русскими поморами в норвежские порты, повелеваем:

Дозволить вывоз в текущем году хлеба из портов Архангельской губернии в Норвегию в количестве не свыше двухсот тысяч пудов, с тем:

1) чтобы таковой вывоз разрешался только поморам Архангельской губернии, производящим меновую торговлю с Норвегиею на русских судах;

2) чтобы допускаемый к вывозу хлеб предназначался исключительно для промена в норвежских портах на рыбу, а не для продажи, — и

3) чтобы министрами иностранных и внутренних дел и финансов были по взаимному соглашению установлены правила относительно контроля за таковым отпуском, а равно и порядок наложения за несоблюдение сих правил взысканий, определенных 1085 и 1551 статьями Свода Зак. Т. VI, Уст. Там., за незаконную, тайно от таможенных властей, погрузку и вывоз из России запрещенных к отпуску за границу товаров.

Правительствующий Сенат не оставит к приведению сего указа нашего в исполнение сделать надлежащее распоряжение.

На подлинном собственною его императорского величества рукою подписано: «Александр».

— ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 12. 1892. СПб., 1895. № 8316. С. 90—91.

*Рецензент: Шубин Сергей Иванович,
доктор исторических наук, профессор*